

Александр Куприн

Удод

Александр Куприн

Удод

«Public Domain»

1932

Куприн А. И.

Удод / А. И. Куприн — «Public Domain», 1932

«Над университетским ботаническим садом про шумел мгновенный, крупный, теплый, весенний дождь. Червонное зарево заката сквозь гущу ветвей бросало на свежие газоны пурпурные, фиолетовые и лимонные пятна, которые двигались, качались и трепетали. Цветущие паникадила розовых каштанов разливали свой прекрасный, почти человеческий, но греховный запах, от которого у женщин раздуваются и вздрагивают ноздри...»

Александр Куприн

Удод

Над университетским ботаническим садом прошумел мгновенный, крупный, теплый, весенний дождь. Червонное зарево заката сквозь гущу ветвей бросало на свежие газоны пурпурные, фиолетовые и лимонные пятна, которые двигались, качались и трепетали. Цветущие паникадила розовых каштанов разливали свой прекрасный, почти человеческий, но греховный запах, от которого у женщин раздуваются и вздрагивают ноздри.

Профессор Сапожников встряхнул и сложил свой зонтик.

«Уйдет ли, наконец, мой навязчивый незнакомец? – подумал он с досадой. – Или уж мне самому придется оставить привычное насиженное местечко? А жаль!»

Но незнакомец не помышлял об уходе. Короткий обильный дождь был для него, казалось, всего лишь точкой с запятой. Поставив ее, он продолжал свой монолог нудным, тонким, плачевным голосом и все в том же вычурном, патетическом стиле:

– Чудеса-то какие творятся на небе, на земле и в воздухе! Прежде, бывало, созерцаешь их, и сердце замирает от блаженной радости и от сугубой благодарности. Но ныне душа обомлела, заскорузла от ударов судьбы и уже недоступна стала высоким чувствам.

Да ведь и то сказать... Разве человеку, которого завтра поведут на виселицу или на хирургическую тяжелую операцию, – разве ему придет в голову любоваться красотами утренней зари, милым пением птишек, ароматами цветов? Ведь все его мысли совокуплены в ожидании завтрашнего ужаса...

Ну вот, итак, прошу простить меня великодушно в том, что я продолжаю мою печальную и злосчастную эпопею. Знаю я сам, отлично знаю, о покровитель угнетенных, что кому же интересны чужие вопли и стенания, когда нет на свете ни одного человека, довольного своей земной участью. Есть в русской мудрости, у русских мужиков такая умная, хотя и не очень эстетическая поговорка: «Каждому своя сопля солона», извините за грубоватое слово. Но ведь также надо войти и в положение одинокого человека, вся душа которого так переполнена обидами и неудачами и так изнывает от принудительного вечного молчания, что уж дольше терпеть ему стало не в мочь, и одно только средство от грядущего безумия – это исповедаться вслух перед умным и добрым человеком... Так не разрешите ли?

– Что ж, – согласился профессор лениво, – говорите, пожалуйста. У меня еще четверть часа свободны.

– Покорнейше вас благодарю, о ценитель драгоценных камней! И тем более ценю вашу милость, что нет у меня ни малейшего намерения разжалобить вас для цели гнусного попрошайничества. Нет, не карман мой пуст, а душа моя переполнена до отказа. А на хлеб и на ночлег денег у меня хотя и в обрез, но все-таки достаточно.

Ну вот, значит, женился я на этой девушке, на Паве. Имя-то ее настоящее было Полина, или попросту Павлина, а в уменьшительном виде Пава. Да и шло ей очень это коротенькое в четыре буквы имечко, по ее плавной походке и по ее гордой манере, хотя всего-то она была – белошвейка.

В первое-то время, пока молодоженами мы жили, нужда как-то еще не очень тяготила нас. Казалась почти незаметной и легко переносимой. Я служил регистратором в правлении юго-западных железных дорог; она бегала в свою мастерскую, неподалеку от нашей квартиры, состоявшей всего из комнаты и кухни, в полуподвале. Так себе жили, ничего себе... Я по крайней мере эти первые месяцы и до сих пор вспоминаю, как самые райские. В общем, выручали мы оба в месяц: я – тридцать два рубля с дробью, она – около двадцати, иногда чуточку больше, иногда – чуточку меньше, а все-таки – жили.

А потом пошла привычка, окончилось сладкое брачное удивление, охладились вулканические темпераменты. К тому же завелись некоторые знакомства; расширились потребности. В театр стали ходить, в цирк, в оперу, на симфонические вечера. К тому же Пава, страсть до чего похорошевшая после замужества, стала уже чересчур далеко, не по средствам нашим, франтить, финтить и кокетничать. То ей надо шляпку модную, то горжетку новую, то корсет шелковый, то ботинки лакированные. Но держала себя строго и целомудренно, а это для меня и было постоянным молчаливым, но ядовитым и непереносимым укором. Взял за себя я красивую бабу – значит, навалил на себя неудобноносимую ношу. Изворачивался я и туда и сюда, как угорь, вытасненный из воды, чтобы увеличить наш бюджет... Куда там. Чем больше человек старается, вертится, упрасивает – тем меньше судьба его слушается. Подходить к удаче надобно весело и небрежно, так: ручки в брючки, да еще посвистывать при этом, как будто ты не гнешься под тяжким грузом, а, так себе, вышел прогуляться после изысканного завтрака. Я же всегда был робким человеком и кисляем...

Но, подумайте-ка, и мне, наконец, стала судьба улыбаться; надоел я ей, должно быть, хуже горькой редьки своими жалобами, укорами и канюченьем. Получил я однажды частную работу, весьма срочную, важную и большую. Сделал ее, можно сказать, на двенадцать баллов с плюсом и получил за эту работу весьма крупное вознаграждение: целых сорок пять рублей. Грандиозную получку эту надо было, по уговору, спрыснуть легкой выпивкой, купно с товарищем, который рекомендовал меня работодателю. Так и сделали: на пять рублей выпили водки, закусили таранью и вареными раками и закончили наш кутеж парой хамовнического пива.

Тут-то приятель мой и пристал ко мне, как собачий репейник: «Пойдем да пойдем в походку. Чтобы от нас, когда домой придем, не пахло винищем. Пойдем, говорит, до лошадиных бегах. Там, говорит, из-за забора отлично-хорошо можно глядеть, как лошади между собой соревнуются в красоте и резвости бега». Ну, что же? Надо было дружку удовольствие сделать, хотя я в лошадиных рысистых бегах тогда вовсе ничего не понимал и занятием этим не интересовался. Пошли. Пришли. Оказывается, щелки-то в заборах, через которые бесплатно можно было любоваться, теперь все белыми свежими дранками заложены и наверх невозможно взобраться, потому что гвозди понатыканы. Остриями вверх.

Но приятель опять пристал:

– Ах, милый дружище, разорись еще на два целковых, пойдем на неблагородную трибуну. Купи, ради праздничка, парочку билетов.

Ну, что тут поделаешь? Деньги – два рубля, уж не такая огромная сумма, а услужливый приятель Жуков в самом деле сделал важное одолжение... Кстати, и самому любопытно стало на бега посмотреть. Хотя один раз в жизни. Взяли мы в будочке билеты и пошли на место, а по дороге, проходя через буфет, еще у стойки по крупной рюмке зубровки тяпнули. Сидим мы на своих местах, просто на деревянных длинных скамейках, и смотрим на бега. Ничего. Хорошо. Можно даже сказать, весьма красивое зрелище. Лошади красивые, и, если мимо трибуны нашей, так прямо вихрем летят, ажно дух захватывает. Наездники горячатся, гикают на рысаков, публика орет... Но тут подошел антракт. Пошли мы в буфет и снова зубровки долбанули. Жуков и говорит:

– А пойдем-ка, я тебе покажу те кассы, где на лошадей ставят пари.

Ну я, конечно, согласился, потому что у меня уже в голове шумело. Показал он мне. Какая-то длинная загородка, а в ней всё четырехугольные дырочки, вроде окошечек, и на каждой сверху надписи: ординарный, двойной, тройной. Жуков мне всю эту механику объяснил. Мне ничего, как будто бы даже понравилось. Занятная игришка. Дернули опять у буфета, на этот раз уже коньяку мартелевского. После этого я и взъерепенился.

– Пойдем, – говорю, – к тотализатору. Я сейчас хочу ставку поставить.

Он говорит:

– Дай и мне займы два рубля. Я тоже поставлю и тебе за эту самую верную лошадь посоветую.

Я ему отвечаю:

– Вот тебе два рубля и помни, что от меня больше ни копейки не получишь.

– Да дай же, я хоть тебе лошадь укажу.

– Не надо, сам выберу. Покажи-ка мне на программке, какие лошади в следующем заезде побегут.

– Коли так, ладно, – говорит он и отчеркнул ногтем несколько лошадей. Я взглянул. Метнулось мне в глаза название Удод, и я сказал:

– Вот на этого Удода я и поставлю. И никаких.

Тот взопил:

– Да не придет никогда Удод в такой компании. Он и ихних хвостов не увидит.

– Ан нет, – говорю, – придет, да еще на первом месте будет. На него и поставлю в ординаре.

– Эй, Кузьма, перестань ершиться. Не делай глупостей... Ну, хочется тебе деньги на ветер бросить, поставь на Удода рублевку в тройнике и баста.

Но тут уж я уперся. Обругал Жукова за то, что лезет моими деньгами распоряжаться, пошел к тому окошечку, на котором была надпись «Ординар», сунул в нее остатние тридцать рублей и говорю:

– На Удода!

Артельщик козлобородый на меня глаза выпялил:

– На Удода?

– Именно на него, на Удода.

– А сколько же ставите?

– Да ведь сами видите сколько. Тридцать целковых.

Тот даже головой мотнул.

– Ваше дело. Извольте принять квитанцию.

– Чувствительно вас благодарю.

И пошел прочь от него. Оно, по правде сказать, пьяноват я малость был, однако все-таки успел заметить, что пропасть всякого бегового народишка собралось со всех сторон на меня поглядеть, подивиться, и только я вокруг и слышал: «Вот этот самый, на Удода. Вон-вон, налево, на Удода». Пальцами показывали. А какой-то рыжий мальчишка, так он, сукин сын, прямо мне в лицо продекламировал стишок: «Вот эта урода ставит на Удода». Хотел я было его за виски отгаскать, да на круге зазвонили, что сейчас будут лошадей выводить.

Пошли мы с Жуковым опять на трибуну и сели на прежние места. Жуков уже больше не пиявит меня, оставил в покое. Только изредка вздохнет да головой укоризненно покачает. Наконец выехал и Удод, запряженный в американку. Казалось, что его наезднику было самому стыдно за свою лошадь, – так он неуверенно и робко оглядывался на публику, наполнявшую трибуны. Казалось, что даже десятилетний мальчуган нашел бы этого рысака особой, совершенно случайно попавшей на ипподром.

Когда на старте пускали лошадей, то Удод артачился и кобенился свыше всякой меры. Из-за него пришлось пять раз возвращать всех лошадей назад, обратно к стартовой линии. Но когда удалось, наконец, пустить рысаков сравнительно ровно, то Удод сразу же оказался позади всех лошадей на десять корпусов, увеличивая это расстояние с каждой саженью. И бежал он не тем ровным, размашистым ходом, который составляет прелесть беговой лошади, а какой-то неуклюжей, нелепой собачьей рысью. По всем вероятностям, он был сильно запущен и года два не тренирован. Когда, обогнувши крутой поворот, он проходил вдоль неблагородной трибуны, сотни насмешек и ругательств посыпались на него и на его растерявшегося наездника со стороны бесцеремонной, буйной на язык, серой толпы.

– Кляча! Водовозка! Шкапа! Похоронная процессия! Ты что, Чижов? В чухонские вейки поступил? Вали прямо на живодерку! Татарам на махан этого одра!

Однако же странное и даже невероятное явление происходило в этот день и в этот заезд на беговом кругу. Отличные первоклассные, много раз призовые рысаки, все, как сговорившись, не ладились и не шли. Не могли идти, не хотели. Что ни шаг, то сбой или проскачка. Кто скажет, какая тому была причина? Разнервничались ли чересчур рысаки еще с начала заезда на долго неудавшемся старте? Погода ли была такая, очень тяжелая? Сговорились ли подлецы наездники в конюшнях? Или просто здесь играл роль сумасшедший случай, нелепо выпадающий раз в сто лет? Один рысак хорошего доброго характера испугался летящей программки и понес, и остановить его едва смогли уже на третьем кругу; другая лошадь упала, у третьей размоталась сбруя, четвертая захромала. Словом, первым пришел к призовому столбу почти шагом этот чертов Удод. Другие или сами сошли с круга, или их дисквалифицировали за сбой и проскачки.

Тут унылый, тонкоголосый человек остановился, громко высморкался и сказал:

– Ну, как вы думаете, милостивый государь мой (простите, ни имени вашего, ни отчества, ни звания не имею чести знать), как вы думаете, какую сумму выдал мне тотализатор за все мои шесть билетов, приняв еще во внимание то обстоятельство, что я был единственным и единственным человеком на всем ипподроме, который играл на Удода? Хоть приблизительно прошу сказать.

Профессор зевнул в темноте и ответил принужденно:

– Я в этом деле мало чего понимаю. Ну, скажем, рублей сто? Двести?

– Ах, нет. Подымай выше. Получил я ровно девять тысяч и девятьсот рублей. Вот вам и сто – двести.

– Да-а. Это сумма! – ленивым баском протянул профессор. – Особенно для человека небогатого. И я надеюсь, что вы, конечно, все эти деньги, упавшие к вам как бы с неба, употребили умно и расчетливо на самые необходимые хозяйственные нужды?

Совсем уже теперь невидимый в темноте человек завозился на скамейке, засопел и завздыхал.

– Эх, ваше превосходительство, если бы так. А ведь я оказался жалкой росوماхой, последним болваном, настоящим преступником, которого надо было бы выдрать публично, на городской площади, при всем честном народе!

Получивши деньги, отправился я немедленно с бегов домой. По случаю выигрыша не хотел идти пешком, сел в трамвай. А кредитные бумажки старательно уложил в задний боковой карман штанов и пуговочку тщательно застегнул. Сажу в трамвае, а сам, нет-нет, возьму и рукой карман пощупаю. Хрустят? Хрустят! И, помню, все мне с почину рыжего хулигана, лезли в голову рифмы на слово Удод: Удод, урод, идиот, скот, приход, расход, приплод, компот... На последней станции, перед самой нашей квартирой, сошел я с трамвая. Еле выкарабкался, такая была невероятная теснота... Стал на тротуар, ощупывая себя сзади. Хрустит ли? Ан нет, чувствую одно мягкое сукно, обольстительного хруста уже не слышу. Очевидно, в толкотне проклятые воришки успели подрезать мой карман и вытащить из него кредитные знаки.

Как мокрая, побитая собака, явился я к жене и рассказал ей всю мою трагическую историю. Пава слушала молча и потом не сказала ни слова. Только лицо ее потемнело и под сжатыми челюстями заходили бугорки. Я начал было говорить о том, что надо известить полицию, найти номер трамвая, дать объявление в газетах. Но она резко встала, швырнула мне в лицо чулок, который только что штопала, причем очень больно стукнула меня по виску штопальным грибом, и с презрением, с желчью и с гневом вскрикнула:

– Сам ты Удод, никуда не годный! И больше ты, расслабленный дурак, меня никогда не увидишь.

Собрала всю свою женскую хурду-мурду, завязала в платок и молча ушла.

Так я и не знал очень долго, что с нею и где она. Всеведущий Жуков уверял меня, что будто бы она сошлась с цирковым борцом, по фамилии Максим Слонов, а весом восьми с половиною пудов. И что уехали они обое в Астрахань. Не знаю, правда это или не правда. Жуков соврать тоже не дорого возьмет. А вот сегодня получил я от Павы письмо из города Баку. Пишет, что живет хорошо, чего и мне от души желает. И при том покорнейше просит, чтобы я согласился на развод по причине якобы моего полнейшего полового бессилия. И вот я теперь хожу и думаю, согласиться или нет? Ведь не сам ли я виноват, что бедняком на бедной женился. Да и эта печальная история с Удодом... Как вы думаете, ваше сиятельство?

Но профессор ничего не думал, кроме того, что незнакомец окончательно ему надоел.

– Не берусь судить, – сказал он, – дело не мое, и я в этих самых разводах ничего не смыслю. Позвольте вам пожелать спокойной ночи.

Он встал и пошел, быстро поглощаемый ночным сумраком.